

**ЧАПНИН
СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

главный редактор альманаха
современной христианской культуры «Дары»

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Внешний взгляд на религиозную жизнь предполагает, что есть два основных модуса выражения религиозности: религия как исключительно личное дело граждан и религиозная община как организованное сообщество, публично заявляющее о своих общественно-политических интересах. Однако при таком подходе ускользает еще одно крайне важное измерение религиозной жизни — община. Какое место она занимает в жизни Православной Церкви и можно ли утверждать, что именно община может эффективно взаимодействовать с институтами гражданского общества?

В православной традиции для обозначения локального религиозного сообщества используются два понятия — «приход» и «община». Первое обозначает всех прихожан храма и носит более формальный характер. Другими словами, приход — это все, кто приходят в конкретный храм вне зависимости от того, насколько активно они вовлечены в приходскую жизнь. На церковном сленге используется шутивное описание этой проблемы: есть *прихожане* — это те, кто активно участвует в жизни прихода, и *захожане*, которым достаточно просто зайти в храм, помолиться, поставить свечку, написать записку, и все.

Община — это более обязывающее понятие. Оно предполагает осознанное участие в жизни прихода и понимание того, что жизнь христианской общины не может быть ограничена только богослужением и молитвой. Обязательно должна быть «литургия после литургии», то есть такое служение христиан, которое выходит за пределы храма и решает просветительские и социальные задачи.

В последние годы о православной общине сказано немало важных и правильных слов. Однако произносят их обычно в узком кругу — на богословских конференциях, в официальных церковных речах, изредка об общине вспоминают в религиоведческих исследованиях и социологических опросах. Можно ли где-то увидеть эту загадочную православную общину? И почему она превратилась в ускользающую реальность?

Казалось бы, община должна быть в каждом православном храме. Если открыт древний храм или построен новый, то в нем непременно соберется община — группа прихожан, которые регулярно ходят на богослужения, объединены вокруг священника и ведут совместную просветительскую или благотворительную деятельность. Можно предположить, что в спальном районе большого города община будет большой, а в крохотном селе — очень маленькой. Можно также предположить, что большой городской приход может стать важным, если не ключевым элементом в формировании гражданского общества.

Первое предположение действительно верное. Приходы бывают очень разные: большие (даже огромные) и совсем крошечные, обреченные на вымирание вслед за неминуемым вымиранием села.

Второе предположение не столь очевидно. С одной стороны, да, любое объединение, проявляющее себя на местном уровне, так или иначе вовлекается в решение локальных задач, преимущественно социальных. Однако в городах территориальное измерение прихода во многом утрачено и вряд ли может быть восстановлено в обозримом будущем.

В Российской империи и в подавляющем большинстве православных стран каждый приход — это в том числе и территориальная община. В храм ходят люди, живущие рядом с ним. В современной России ситуация иная — в храм могут ездить из другого конца города. Эта традиция сложилась в советское время, когда действующих храмов было крайне мало и у православных христиан стихийно возникла практика посещения храмов вдалеке от дома и работы — где не узнают и не донесут, что ты верующий.

Даже сегодня, спустя тридцать лет после падения атеистического государства, переломить эту традицию невозможно. На практике это означает, что локализация городского прихода довольно условная. Однако в этом есть не только минусы, но и плюсы. Община может выбирать, какой вид служения ей более подходит: прихожане могут отправиться на другой конец города, чтобы помочь детскому дому, или приехать в центр и на вокзале кормить бомжей и т. п.

Для самих прихожан главный мотив — это стремление помочь ближним. Такая помощь становится важной и неотъемлемой частью христианского образа жизни.

Община, члены которой вместе участвуют в таинстве Евхаристии и затем в различных формах проповеди, миссии и свидетельства внешнему миру, становится Церковью в подлинном смысле слова.

Однако на этом пути у общины-прихода есть серьезные препятствия. РПЦ поставлена перед сложной дилеммой: церковные реформы патриарха Кирилла захлебнулись. В последнее десятилетие они стали драйвером развития прежде всего церковной бюрократии, и именно ее интересы отражаются в определении путей дальнейшего развития.

В церковно-бюрократической перспективе приход превратился из собрания православных христиан в низовой элемент административно-управленческой системы. Настоятель мыслится не столько как пастырь и проповедник, сколько как менеджер, призванный обеспечить идеологическую лояльность прихожан, правильную отчетность и собираемость «церковного налога» для патриархии. Это те критерии, по которым оценивают деятельность настоятеля.

Епископат и укрепившаяся вокруг него церковная бюрократия прекрасно понимают, что послушный настоятель будет важным инструментом удержания власти в руках нынешней иерархии, поэтому церковная власть крайне ревниво относится к любым центрам активности. Духовные лидеры больших общин получают власть и влияние в силу своего харизматического, неформального авторитета среди прихожан. И порой такая неформальная власть может быть значительно выше, чем власть епископа, и может распространяться далеко за пределы епархии или города, где такой священник служит.

В результате реформ сложилась парадоксальная ситуация. Патриарх Кирилл резко увеличил количество епископов и епархий, чтобы они были «ближе к народу». Однако молодые епископы стали использовать свою власть для того, чтобы затормозить развитие приходской жизни. Даже древние нормы церковного права получают новые интерпретации с одной целью — утвердить безусловную власть епископата над духовенством, над приходами и монастырями.

Между тем главным импульсом развития церковной жизни и главным направлением церковных реформ должно быть переосмысление роли и места общины в церковной жизни.

Предпоследний председатель Совета по делам религии СССР Константин Харчев несколько лет назад произнес парадоксальные, но по-своему очень точные слова: «Кризис Церкви неминуем, и он произойдет по аналогии с кризисом Коммунистической партии. Кризис партии стал неминуем, когда весь центр тяжести партийной жизни был перенесен на высшие руководящие органы. Роль первичных организаций была сведена к минимуму, собрания первичных организаций стали

формальными. Никаких серьезных решений они не принимали. Само участие в собраниях первичных организаций превратилось в отбывание повинности. То же самое происходит и с Церковью. Патриарх и епископат слабеют, отказываясь от реальной опоры на приходы. Церковные власти, и даже церковная бюрократия будут сильны только тогда, когда будут пользоваться поддержкой приходов и монастырей»¹.

Это вполне возможно, но они должны решиться на опасный для себя шаг — передать часть своей власти приходам, дать им права широкой автономии.

Сегодня приходское самоуправление находится в подавленном состоянии. Миряне практически бесправны перед лицом церковной бюрократии. Священники, как уже было сказано, бесправны перед лицом своих епископов. При этом патриарх снисходительно относится к злоупотреблениям властью со стороны епископов и крайне неохотно соглашается передавать такие дела в церковный суд. Практически нет примеров, чтобы епископы были публично наказаны или хотя бы отчитаны патриархом за неподобающее поведение в отношении священников.

Однако кризис приходской общины связан не только с этим. Практически не описана и не рассматривается еще одна проблема: формирование индивидуальных практик исповедания веры. Стремительно растет круг людей, которые выбирают не общинное, а индивидуальное исповедание веры. Они остаются православными христианами и даже членами РПЦ, но сознательно ограничивают свое участие в жизни общины только богослужением — пришли, помолились и ушли. Во многом это связано с разочарованием в том типе приходской жизни, который сложился за годы «церковного возрождения».

Десять лет назад православным россиянам был задан вопрос об участии в приходской жизни². Почти половина опрошенных православных (44 %) заявили, что не только не участвуют, но и не хотят участвовать в приходской жизни. Активно участвует лишь 1 % опрошенных.

При этом женщины чаще мужчин принимают участие в жизни прихода, а наибольшую активность в приходской жизни проявляют жители Центрального федерального округа и москвичи. Несколько чаще, чем в среднем, в приходской жизни принимают участие служащие и респонденты в возрасте от 55 до 64 лет.

Чуть меньше трети православных респондентов (28 %) хотели бы участвовать в приходской жизни, но по каким-либо причинам не имеют такой возможности. Чаще всего среди них встречаются жители небольших городов с населением

¹ Из архива автора. Беседа автора с К. М. Харчевым 20 июня 2018 года.

² Приходская жизнь. Полевые исследования Фонда «Общественное мнение» и Омнибус-Пента по заказу Исследовательской службы «Среда». URL: <https://sreda.org/opros/31-prihodskaya-zhizn>.

от 50 до 250 тыс. человек, имеющие детей, неработающие пенсионеры и респонденты, считающие себя счастливыми.

Не желают участвовать в приходской жизни чаще люди старше 65 лет (27%), жители крупных городов за исключением Москвы (29%) и семьи с одним ребенком (26%).

В частных беседах о разочаровании в приходской жизни говорят не только миряне, но и священники. Возможно, эта тенденция будет одной из определяющих в формировании современной религиозности. Дружных, активных общин крайне мало. Многие прихожане уже сталкивались с тем, что священника за малейший проступок, а то и без каких-либо объяснений, могут перевести с прихода на приход. Чтобы сохранить священника, состоятельные прихожане постоянно собирают деньги не только на «церковный налог», который устанавливается епархией без каких-либо консультаций с прихожанами и часто превышает их финансовые возможности, но и на «особый конверт» благочинному или епископу, чтобы любимого священника не трогали.

В такой ситуации довольно сложно сохранить не только лояльность коррумпированной церковной власти, но и саму веру. Есть те, кто уходит из Церкви — это и миряне, и монахи, и священники. Есть те, кто выбирает иную стратегию — стремится остаться в Церкви, но предельно минимизировать свои контакты с церковной бюрократией.

Будущее традиционного прихода сегодня находится под угрозой. Поддержать и укрепить его можно только в результате серьезного переосмысления роли и места приходской общины в церковной жизни.

Однако программа реформ для Православной Церкви все еще не написана, хотя ее основные контуры не раз обсуждались и уточнялись. В XX веке грандиозная попытка системных реформ была предпринята на Всероссийском Поместном соборе 1917—1918 годов. К сожалению, воплотить эту программу не удалось — уже в 1918 году на Церковь начались гонения, работа собора была прервана и большая часть решений предана забвению. Спустя несколько десятилетий в эмиграции родилось новое направление богословских исследований — евхаристическая экклезиология, поставившее локальную (поместную) общину, которая участвует в Таинстве Евхаристии и раскрывается в ней, в центр жизни Церкви. Но несмотря на новые теоретические разработки и отдельные примеры успешных больших общин, общий кризис преодолеть не удалось.

Тем не менее первые шаги вполне очевидны, они связаны как с просвещением, так и с демократизацией приходского управления:

- ⇒ крещение как Таинство вхождения в Церковь перестанет быть формальным ритуалом, будет тесно связано с научением основам веры и введет нового члена Церкви в конкретную общину;
- ⇒ миряне получат право голоса при решении всех вопросов, касающихся приходской жизни, включая возможность выбора настоятеля и, например, выбора языка, на котором совершается богослужение;
- ⇒ церковный бюджет всех уровней перестанет быть тайной за семью печатями и будет обсуждаться на приходских собраниях в тех храмах, которые достаточно состоятельны, чтобы вносить существенный вклад в епархиальный и общецерковный бюджет;
- ⇒ роль епископа будет ограничена вопросами вероучения и координации деятельности приходов и монастырей между собой, а также с иными епархиями, государственными и общественными организациями.

Трудно сделать прогноз, когда эти перемены станут возможны. Однако даже если кризис церковной жизни будет углубляться, из всех церковных структур именно общины сохранят наибольший запас прочности.